

Ольга Коренева

Миниатюры

18+

Ольга Александровна Коренева

Миниатюры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65668025

SelfPub; 2021

Аннотация

Весёлые, ироничные миниатюрные рассказы развлекают и развеселят любого читателя. Написаны легко и прозрачно.

Содержание

Баба леталка	4
Бархатная орхидея	7
Просто мечты	11
Приколы наших поэтов	14
Веснетта	18
Ускользящий след	26
Через сотни вьюг	31
Осторожно, не шути так!	37
И не говорите, что это тайна!	53
Активная блондинка в интерактивном поясе для чулок	60
А здесь это так	66

Ольга Коренева

Миниатюры

Баба леталка

Она долго лежала в горячей ванне, потом вылезла, накинула на голое тело пушистый розовый халат. Но ощущение тепла катастрофически улетучивалось. Она плотно завернулась в мягкую материю, завязала пояс, и пошлёпала в кухню. Дочка уже приготовила завтрак.

– Мамулечка, что ты такая грустная? Что ты хочешь? – спросила дочь.

– Хочу чая горячего, очень крепкого, и побольше в него имбиря, – ответила она.

Дочь стала готовить чай.

– Больше сыпь, больше! – командовала мать. – А имбиря весь корень покроши. И перца красного добавь!

– Мамуль, ведь это же слишком! – Воскликнула дочь. – В тебе же термоядерная реакция произойдёт!

– Ничего уже во мне не произойдёт, – грустно сказала она. – В мои-то годы.

– Мамуль, ну грех тебе, правда же. Тебе вот за шестьдесят перевалило, а выглядишь на полтинник, и даже на сорок семь.

– Да какая разница, – пробубнила она, – главное, самоощущение. Пятьдесят-шестьдесят, один хрен. Да, выгляжу прилично, но сил нет. Холодно и грустно.

Она глотнула горячего чая с огромной дозой имбиря и перца. И её словно ошпарили изнутри. Это удивило. И понравилось.

– Жарко, распахни окно пошире! – сказала она дочери.

Дочь удивлённо раскрыла настежь ставни.

Она сделала ещё глоток, и ещё... Все внутренности закипели. Она залпом допила кружку этого жгучего напитка. И тут с ней что-то произошло – будто внутри разряды молнии и ещё что-то непонятное, бурное и вызывающе дерзкое началось. Волосы её вздыбились и заискрились, тело поднялось над стулом, выше, выше!

Руки и ноги завертелись словно четыре пропеллера, и она взмыла вверх! Дочка с воплем ужаса бросилась к ней, но она уже вылетела в окно и с наслаждением полетела над крышами. Халат развязался и взвился над ней наподобие огромного розового крыла! Она летела и ощущала небывалый прилив сил, радость, счастье, и всё вокруг казалось ей необычайно ярким и цветистым, как в юности!

Вскоре в интернете появилось её летящее фото, и подпись: «Баба леталка! В Москве появилась голая баба леталка с огромным розовым крылом на спине». А потом в социальных сетях возникли ролики – на них она парит в облаках, и халат её игриво плещется на ветру. Ролики набрали семь

миллиардов лайков. Через пару дней она позвонила дочке и сообщила, что она уже на даче, перекопала весь огород, разобрала по брёвнам избу – так как изба старая, да и не нужна вообще, жарко в ней и душно. Зато из этих брёвен такой костёр получился, загляденье просто, и она жарит на нем соседскую курицу. Дочка тихо ахнула и выронила мобильник.

Бархатная орхидея

Это случилось с моей приятельницей. Мы обе хохотали, пили мартини (я – напололам с апельсиновым соком, она – неразбавленный), и хохотали до слёз – очень уж смешно она рассказывала и изображала в лицах. За окном колдобились крутые девяностые, всё бродило и пенилось, жизнь менялась. И у моей приятельницы тоже.

Безумная ночь! Она целовала его литое рельефное тело и удивлялась собственному кайфу! От каждого прикосновения губами к его горячей коже она испытывала сверхъестественный оргазм! «Во! Ну и мускулы!» – восторгалась она. Он был рассеянно ласков, но от его поглаживаний она готова было запрыгнуть на люстру! Был он утомлён, к вину не притронулся. Пригубил лишь газировку. Словно избегая расспросов, он всё время читал стихи классиков, говорил только о стихах, и ей казалось, что фонтан стихов сейчас брызнет из его небольшого тугого члена, который она так неистово ласкала языком.

Ого, он кончил пять раз, но не стихами! Дважды сделал это уже во сне. Что-то забормотал, когда она с него сползала, какие-то сонные рифмы. Он был шефом её бывшего мужа.

Супруг бывший так достал её по телефону, что она согласилась принять у себя его начальника – тот уже давно в гости напрашивался, давно положил на неё глаз. Она была хороша,

свежа, с пушистой причёской и длинными ножками, с весёлым блеском синих глаз. С трудом согласилась, так как у неё после нескольких лет замужества возникла стойкая аллергия на мужчин. Сразу вдруг вспоминался бывший благоверный – совсем не рельефный, вечно хмельной и нудный. Сколько же она от него натерпелась! Кроме обычных для русского пьяницы вредных привычек, он имел ещё две: весьма убедительно врал на каждом шагу, а также сводил с ума соседей заунывным воем под струнное треньканье – он играл на гусях, которые подарили ему друзья. Где уж они надыбали сей инструмент, непонятно. Возможно, кто-то сам его смастерил, а может, спёрли из какого-нибудь захолустного музея. Подруги потешались над ней, злословили, говорили ей с ехидцей: «Когда ты уходишь на работу, твой выпивает все туалетные воды и духи – поэтому они у тебя исчезают, все твои настойки календулы и эвкалипта, и мрачно дробит о струны член, пугая соседей шаманскими звуками».

И вот когда она развелась и выперла его из своей квартиры – а дело это оказалось весьма непростое – этот гусяр внедрился в фирму рельефного, разжалобив его душераздирающими выдумками о жутком горе, несчастной любви, изодранной душе, разбитом сердце, и так далее. Отогревшись за пазухой у доверчивого шефа и самоутвердившись, он пошёл в наступление на бывшую жену. Гусяр решил доконать её. Ну наивный человек, разве такую, как моя приятельница, доконаешь? У неё железное терпение и весёлый нрав, ей

всё смешно! А гусяр, чудак такой, дал объявление во все риэлтерские фирмы о размене квартиры. И вот ей с утра до вечера названивали риэлторы и менеджеры. И не только ей – даже её начальнику на работу. В результате её уволили.

Но она не унывала. Усмехнулась, встряхнулась. Теперь у неё куча свободного времени! Можно заняться собой. Ну, и маленькой мстью. Ха-ха! Ну теперь она ему пока-ажет! Теперь уж она задаст ему перца! Он ведь жутко ревнив – как, впрочем, все пьяницы.

Вот тогда она и решила принять у себя его шефа.

О, какая неожиданность! Он оказался удивительно сексуален! Он галантен, ласков, щедр! О, какая ночь!

Вот так у них завязались отношения. Рельефный занял все её мысли. В её мобильник были забиты все его телефоны – рабочий, сотовый, домашний. Она была счастлива.

А потом наступила самая потрясающая ночь в её жизни. Точнее, полночь! Чудесная такая полночь! За окном висела огромная тугая, как коровья сиська, молочно белая луна. Кнопки телефона игриво вспрыгивали под нежными пальчиками моей приятельницы. На другом конце Москвы гусяр блаженствовал среди кучи бутылок и пьяных друзей, но поросячье взвизгивание мобильника заставило его оторваться от стакана и взять трубку.

– Алло! – раздался голос его бывшей жены.

– Что? Это ты? – откликнулся гусяр, и торжествующе обвёл взглядом всю пьяную братию. – Что, опять в любовь

играешь? Но не вздумай умолять меня вернуться! Я не один, я с друзьями! – с пафосом, словно Гамлет на сцене, произнёс он.

– Какая ещё любовь – возмущённо отозвалась бывшая благоверная. – Это чёрт знает что такое! Ко мне вчера вломились твои риэлторы, два атлетически сложенных красавца, и заявили, что ты задолжал им уйму денег! Я решила выручить тебя, ведь не чужие же мы, в самом-то деле, столько вместе прожили! Но расплачиваться мне, сам понимаешь, нечем, ничего же не осталось, кроме натуры. Так они, скоты, меня затрахали по методу камасутры, ах! – она истомлённо вздохнула и простонала с нескрываемым сладострастием. – Ах, шалуны! Весь паркет спермой залили, все стены, какая наглость! Так что с тебя тысяча баксов за ремонт, не то твоему шефу пожалуюсь! Позвоню по всем его телефонам! – тут она продиктовала его телефонные номера. – И сама приглашу его делать ремонт. Он как-то обещал помочь в случае чего. А случай уже подвернулся.

И она крепче прижала трубку к уху, вслушиваясь, как на том конце провода безумствует её бывший муж.

«Какая ночь!» – подумала она и подмигнула луне. – «Ах, какая ночь!»

Это был самый лучший оргазм в её жизни!

Просто мечты

Пластиковый жёлтый абажур под пожелтевшим потолком, свет тусклый, как в туманную лунную ночь. Небольшой квадратный стол с выцветшей клеёнкой в синюю клеточку. Она вывалила банку килек в томате на тарелку, налила в кружку крепкий чай, ковырнула вилкой еду, и задумалась. Худенькая, очень моложавая, миловидная женщина пятидесяти лет, в стареньких джинсах и майке, она больше смахивала на студентку. Нежный цвет упругого ещё лица, красивый изгиб пухлых губ, и ни капли косметики. Она была не ухожена, длинные волосы плохо подстрижены – сама ровняла пряди, но очень уж неумело это делала. И вот опять она задумалась над сюжетом очередной повести, но мысли расплылись, ушли в прошлое, в её неустроенность, нищету, неумение приспособливаться и заводить нужные связи. Из-за этого её талант был не востребован, не нужен. Она тщетно ходила по издательствам, посылала свои повести и романы по электронной почте, но редакторы их не читали. У них были свои авторы, рекомендованные кем-то нужным, или оплаченные. На незнакомые фамилии они просто не тратили время. Писательница была талантлива, одинока, не устроена, голодна. Очень хотелось есть, но от вечных просроченных консервов (их можно было взять бесплатно в большом ящике перед магазином, для нищеты и бомжей) стало подташ-

нивать. Она хлебнула крепкого чая, и погрузилась в мечты. Не замечая кошку, прыгнувшую на стол и поедающую из её тарелки томатных килек, она рассеянно тыкала вилкой клеёнку. Свои повести и романы она теперь размещала на творческих сайтах, и радовалась, что к ней на странички очень многие заходят, читают, и даже пишут замечательные отзывы. Вот оно, признание, правда, лишь виртуальное. Но она была рада, и писала для этих людей, она их любила.

Кошка с азартом уплетала консервы, и косилась на хозяйку.

И вот однажды высшие силы сделали ей невероятный подарок! Её роман прочёл какой-то увлечённый человек, филантроп и покровитель талантов! Он написал ей потрясающий отзыв, и пригласил в ресторан! Даже сказал, что сам за ней заедет. Она волновалась ужасно, руки не попадали в рукава куртки. Машина была высокая, большеколёсая, похожая на Джип. Может, это он и был. Он библикнул, дверца кабины распахнулась, оттуда высунулся мужчина и махнул ей рукой. Всё было прекрасно, как в сказке! И так же сказочно пролетело время, она не замечала ни дней, ни месяцев, ни лет! Она расцвела, похорошела ещё больше, стала знаменита, издательства рвали из рук её романы, которые она писала запоем, она жила в них, купаясь в творчестве и в славе! У неё был покровитель, влюблённый в её творчество и в неё саму! И вот в шикарном ресторане отмечают её юбилей! Сколько вкусной еды, сколько цветов, подарков, вокруг – избранная

публика! Вдруг за окном загрохотал салют, а за её столиком громко хлопнула пробка шампанского. От этих звуков у неё случился инфаркт! Она упала под стол за смертью. Были пышные похороны, прекрасная могила на Ваганькове с памятником в виде её мраморной фигуры с книгой в руках, и... Тут она очнулась от громкого давящегося звука. Вздрыгнула, и увидела кошку, которую вырвало прямо в её тарелку.

«Ах, всё это были просто мечты» – горестно подумала она. – «Хорошо, что кошку в чай не вырвало. Было бы жалко».

Приколы наших поэтов

А было это в те весёлые и счастливые времена, когда ЦДЛ принадлежал ещё писателям. Ну, в девяностые ещё, да. Творческие тусовки, дым коромыслом, знаменитый Пёстрый Зал, где стены были расписаны шаржами, картинками и цитатами писателей, а какой-то вдохновенный скульптор привинтил однажды к стене олени рога, отлитые им из бронзы! Нет теперь ни Пёстрого Зала, ни Дубового, ни гостиной, нет того великого духа творчества и гениальности! Всё исчезло, остался писателям лишь крохотный подвальчик под женским туалетом. Да и писатели те, великие умы, растворились и канули в Лету. Зато явилась густая поросль литературных чиновников, делающих бизнес на графоманах, коих во все века очень много водится. Ну, не все чиновники – предприимчивые бездари, есть и неплохие поэты, которые раньше даже поблескивали талантом. Вот один из них, хотя бы. Назову его N. Ну, он задавал жару в ту эпоху! Во как!

О, этот N, опять он, всё он! Снова нашкодил! Два месяца потом оклематься не мог. В поэтических тусовках он особенно известен был безумной своей страстью к «зелёному змию». Как-то, особенно перебрал спиртного в компании хмельных друзей, N не смог перекричать их – те наперебой орали свои опусы – и сильно обиделся. Пытался обратить внимание на своё творчество – ну, никак! Что делать?

Он яростно перевернул стол и полез драться. Но неудачно вспрыгнул на край падающего стола, который сработал как катапульта. В считанные секунды N взмыл вверх и зацепился одеждой за те самые бронзовые олени рога, украшавшие пёструю стену. Очутившись над головами коллег, поэт принял это за хорошее предзнаменование, и с любопытством стал рассматривать суету внизу. А там всё ходило ходуном, мятущиеся коллеги прытко взмахивали руками, словно огромные птицы крыльями, и сплошной гул голосов казался поэту карканьем.

– Кыш, вороньё! – завопил он сверху, но его никто не услышал.

Он снова обиделся, но потом гордо подумал: «зачем мне, орлу, на ворон обижаться. Я гений, а они – графоманы». И стал вспоминать свои гениальные стихи. Вспомнил и громко продекламировал:

– Почто я не сокол, почто не летаю?

«Да это же классика!», – опомнился он. – «Я написал бессмертные строки! Я классик! Гениально, мы же это даже в школе проходили! Я гений!»

И тут его осенило, что строки эти надо положить на музыку.

Музыка не заставила себя долго ждать: в мозгу поэта тут же сама собой возникла мелодия гимна России. Он сноровисто соединил текст со звуком, и заголосил во всю мощь свой новоиспечённый «шедевр». Но рога не выдержали столь

мощной вибрации в совокупности с весом поэта, и всё это рухнуло вниз.

В это время буфетчица вызвала охранников, и весь хмельной тусняк был выдворен из ЦДЛ. Все пошли пить во дворик. А наш поэт из компании как-то выпал и растворился в сумраке – был вечер. Потом его кто-то видел ночью на Старом Арбате: N шёл на четвереньках без признаков одежды, но зато в ошейнике и с поводком. Поводок держал его приятель – запойный композитор. Тот самый, который носит прикольные очки, прикольную куртку, в кармане которой всегда лежит прикольная книжка Ольги Кореневой «Не грусти, гад ползучий». Правда, злые языки говорят, что видели поэта на концерте Бориса Моисеева, на котором пьяный вдрабадан N пытался вскарабкаться на сцену и ухватить артиста за ногу. Как бы то ни было, а обнаружился поэт в травматологическом отделении больницы на Каширке, туда и принесли ему друзья передачу: много-много любимого напитка. Вся палата веселилась, загипсованные пациенты посваивались со своих растяжек и классно оттянулись в дружной драке – ума не приложу, как им это удалось со сломанными-то конечностями, но факт есть факт. За нарушение режима N был выдворен из больницы и маялся без спиртного дома, но потом друзья его навестили, и стало хорошо. Счастье несколько омрачал гипс, но N в свободное от питья время то подгрызал его оставшимися зубами, то пилил столовым ножом. Потом нога срослась, и N снова ощутил себя птицей.

– Ура! – завопили друзья. – За это надо выпить!
И всей компанией они отправились в ЦДЛ.

Веснетта

Рассказ

Наивная звукопись дождя за стеклом. Полуподвал, и ящики-ящики-ящики с надписью «Вес нетто». Беременная фасовщица Инна попыталась сдвинуть один, и тут её накрыло невероятной болью. Начались схватки. Она закричала позвериному, истошно, хрипло! К ней подоспели товарки. Инна повалилась на спину, широко раскинув ноги. Роды были стремительные.

– Ну надо же, первые роды, и так быстро! – зазвучали голоса.

– Надо вызвать скорую.

– Её в роддом надо!

Инна с трудом различала звуки. Она начала терять сознание.

– Как девочку-то назовёшь, Инн?

Но она уже ничего не слышала. Перед глазами туманно кривились буквы: «Вес нетто».

– Вес нетто, – пробормотала она холодеющими губами.

– Что? Веснетта? Красиво.

– А разве есть такое имя?

Скорая приехала через полчаса. Врач диагностировал остановку сердца. Ребёнок был жив. Его увезли в роддом.

Девочка родилась недоношенной. Тело роженицы увезли на той же машине.

– Интересно, кто отец ребёнка? – сказала любопытная Зося вслед уносящейся скорой.

Фасовщицы толпились у подъезда и возбуждённо обсуждали происшествие. Дул холодный ветер, дождь усилился. Вернулись в помещение. Онинта принесла ведро воды и швабру. Гульмира вымыла пол.

А потом поминали в подсобке водочкой с солёными огурчиками, блинами, и другой снедью. Остаток рабочего дня прошёл интересно. Рассуждали о покойной:

– Ну, сущая овца была, безответная, – говорила Бася.

– А родные у неё есть? – говорила Мухаббат. – Она из Белоруссии, кому сообщить надо?

– Так что теперь с ребёнком будет? Детдом? – говорила Диларам. – Вот от кого она залетела-то, вообще? – говорила Ганна.

– С кем путалась? Ничего непонятно, – говорила Богуся.

Потом пели с подвыванием, раскачиваясь за столом. Говорили о себе, о детях, о знакомых. И снова о Инне. Растрогались, хмельно всплакнули, пожалели её и малышку. Посмеялись над анекдотами. Разделили имущество покойной: туфли, тапочки, ботинки, кофту, куртку, полотенце, косметичку, сумочку, мобильник, кошелёк, восемьсот рублей и лотерейный билет.

Зося пару раз навещалась в роддом, справлялась о ма-

лышке. Со слов Зоси в свидетельстве о рождении было записано: «Веснетта Александровна Нечарада», в графе «Отец» – прочерк.

– А почему Александровна? – спросили Зосю фасовщицы.

– Да ведь пуповину резала Шурка. Вот потому.

А Веснетте повезло. Её усыновила бездетная пара – Алёна и Виктор. Не сразу, спустя год и два месяца. Девочку теперь звали Веснетта Викторовна Голикова. Алёна давно мечтала о ребёнке, но ничего не получалось. Устала делать ЭКО, были сильные боли и выкидыши. И супруги решились на усыновление. Хорошенькая девочка с большими грустными глазами им сразу приглянулась. И необычное имя понравилось, слышалось в нём что-то весеннее, свежее.

Виктор был предпринимателем, с утра до вечера – в делах. Домой приходил поздно, уставший. А Алёна занималась малышкой. Часами гуляла с ней на детской площадке, читала ей книжки с картинками. Учила рисовать. Вместе они складывали из кубиков с нарисованными буквами слова. Малышке всё это очень нравилось. Однажды летом Алёна повела девочку в парк.

– Смотри, смотри, белка! Вот сидит, смотри-ка! – воскликнула Алёна.

На траве возле дерева сидел маленький серый зверёк с пушистым хвостом.

Веснетта удивлённо вытаращила глаза, и вдруг отчаянно

заревела, слёзы – ручьём.

– Ты что? Что случилось?

– Она меня съе-е-ест! – плакала девочка.

– Да нет же! Она ведь такая маленькая, а ты большая! – успокаивала её Алёна.

– Съе-е-ест! – рыдала девочка и пятилась назад.

– Ну, ты же не жёлудь, – говорила Алёна. – Белочки только жёлуди кушают да орешки. Ты посмотри, какая она крохотная и красивая! Ну, не бойся, ну, перестань. Пойдём-ка на горку.

Она вытерла слёзы малышке, и увела её на детскую площадку. «Вот загадка детской психики», – думала она. – «Никогда не слыхала, чтобы дети боялись белок. А может, Веснетта особо сверхчувствительная какая-то? Чует, что на этой планете все друг друга едят? Да, все мы – звенья одной пищевой цепочки...».

На детской площадке двухлетняя малышка сразу же направилась к фанерному домику. Алёна села на скамейку, и с улыбкой, ласково смотрела на дочь. Веснетта обошла вокруг красивого расписного теремка. Остановилась, разглядывая картинки на стенках и деревянные фигурки сказочных персонажей вокруг. Алёна наблюдала. На скамейках сидели мамы и бабушки, многие уставились в свои смартфоны, на детей почти не обращали внимания. Рядом с Алёной сидела блондинка лет тридцати.

– Эх, разрядился! – воскликнула она с досадой, и сунула

смартфон в карман.

Она принялась наблюдать за играми детей.

– А, вон мой! А у вас где? – обернулась она к Алёне.

– Вон та девочка в красной маечке, – сказала она. – Возле домика. Юбочка такая пышная, красные туфельки. Видите?

– А, вижу, да. Рядом – мой сынуля, Митя. Он у меня такой шевбутной! Представляете, упал с горки и стал заикаться. Врачиха наша прописала ему успокоительную микстуру. Состав простой – пустырник, валериана, пион, ну и другие травы. И что вы себе думаете? Влила я ему в рот ложку этого, и тут он, вместо того, чтобы стать сонным и спокойным, вдруг как начал бегать, прыгать, всё крушить! Пока я убирала разрушения и приводила всё в порядок, ну и по телефону поболтала слегка, Митя исчез. Ищу-ищу – нет ребёнка. Вхожу в детскую – и тут в меня полетели игрушки откуда-то сверху. Гляжу – мой мальчик на шкафу, натащил туда игрушек и швыряет их в меня! А впритык к шкафу – стол, на нём стул, на нём табуретка, на ней скамейка, целая баррикада! Вот залез-то!

Блондинка засмеялась. Алёна тоже улыбнулась, и спросила:

– Он заикается?

– Уже нет, – ответила блондинка.

– А моя тоже вот, – сказала Алёна. – Ничего не ест, нет аппетита. А готовлю я хорошо. И даже «Агушу» игнорирует. Трудно с кормёжкой, но я придумала ход. Моя западает на

слово «полезно». Ей отец что-то про пользу рассказал очень образно, и ей теперь, если скажешь – «это полезно», ест. Раз как-то отправила я её в ванную руки мыть, вдруг она вылетает с воплями: «Мамочка, там жук, страшный! Убей его!» Захожу – паук. Говорю ей – «Это не жук, солнышко, а паук, его нельзя убивать, он полезный». А она мне: «Я не буду его есть!»

Женщины расхохотались.

А Веснетта подошла к горке, постояла задумчиво. Дети вокруг бегали, прыгали, лазали, съезжали вниз, ползали по ворсистому зелёному настилу. А Веснетта полностью погрузилась в свои ощущения. Она так любила свою маму, она вся была переполнена этой любовью, нежностью, чем-то невыразимо прекрасным, каким-то переливчатым ярким сиянием, оно рвалось из неё наружу, и от этого её маленькое личико с большими глазами – уже не грустными, а счастливыми, – сияло, а кожа светилась! В её светлых лёгких волосах, красиво заплетённых во французскую косичку и украшенных цветочными заколочками, запутались солнечные зайчики. Красная маечка и пышная газовая юбочка придавали ей кукольно-мультикшный вид.

– Ну, тево застыла, статуя сто ли? – спросил мальчик в полосатом костюмчике.

Он с интересом разглядывал Веснетту. Она молча посмотрела на него. Мальчик был очень симпатичный, голубоглазый, с длинными тёмными ресницами. Он ей понравился.

Ему было года четыре на вид.

– Бегать не мозесь, сто ли? Тогда ползай, – сказал он.

– Могу, – ответила Веснетта. – И ползать могу. – Плюхнулась на ворсистое покрытие, и поползла.

– Ну ты, челвяк! Смотри, как это делают настоясие удавы! – сказал он, и быстро пополз к качелям.

Червяк с трудом поспевал за удавом.

Потом они качались вместе, и познакомились. Мальчика звали Митя. Он был шустрый и говорливый. Всё время что-то рассказывал.

– Стланные эти взлосые, – говорил он. – Мама лазбила вазу, папа сказал, сто это к стястью посуда когда лазбивается. Когда они усли, я сделал им много стястья, много-много, всё лазбил. Мама плакала, папа седдился. Потиму? Не понял я.

Веснетта подумала, что никогда не стала бы так делать с тарелками и чашками и вазами. Чтобы её мамочка плакала – никогда! Ведь мамочка такая самая-самая лучшая!

И любовь к маме с новой силой нахлынуло на малышку! Веснетта словно растворилась в этом чувстве, в этой охватившей её волне любви и невероятной нежности!

А обе молодые женщины н скамейке увлечённо говорили, поглядывая на детей.

– Моя боится белок, – сетовала Алёна. – Думает, что белка её съест.

– Интересная девочка, – отвечала блондинка. – Белки хищники. Я сама видела, как белка ела воробья. Схватила

когтистыми лапками, крепко держала, и ела, начиная с гуски. Воробей висел в её лапах, головой вниз. Вдруг дёрнулся вбок, хотел вырваться. Но не смог.

– Вот не думала. А с виду – такие мелкие симпатичные зверьки, – ответила Алёна.

– Гуляла я с подругой в одном парке, рядом с её домом. Там есть сумасшедшая белка, гоняется за людьми. Мы кормили белок орешками. Пошли. Вдруг на скамейку прыгнула эта. Подруга говорит: «Не подходи, кинь ей орех». Я бросила ей грецкий. Она тут же схватила его цепко, за минуту сгрызла, и вдруг уставилась на меня таким странным взглядом! Лапки в мою сторону тянет и пальцами шевелит, словно притянуть меня к себе хочет. Не орешки просит, нет, другой жест, пугающий. Солнце её ушки так красиво подсвечивает, а глаза – странные, просто жуть. Мы быстро ушли.

В полдень Алёна с дочкой пошли домой. Высокая стройная брюнетка и крохотная светловолосая малышка медленно двигались по солнечной дорожке парка. Девочке пора было обедать и спать. Веснетта устала, она зевала, тёрла кулачками глаза. Алёна подхватила её на руки, и прибавила шагу. Опалённый зноем август был словно огромный костёр, который дымил, угасая.

Ускользящий след

Рассказ

Небо – словно расплавленный лазурит, горячий и сияющий! Пух облаков – пышное невестинское платье! День будто мёдом насыщен! Беременная Римма прислушивается к сыну внутри себя, она счастлива! Она идёт рядом с соседкой по лестничной клетке, Сабиной. Та везёт коляску с трёхмесячной дочуркой Ирмой. Женщины гуляют и лениво перебрасываются словами.

– А мой Всеволод уже брыкается, ножками бьёт! – ласково и отрешённо говорит Римма. – Я его так люблю! Скоро уж родится, миленький мой птенчик! Родной мой, кровиночка моя, солнышко ненаглядное! – воркует она, и гладит свой живот.

– Классно! Ты его уже так сильно любишь! – откликается Сабина.

– Ну а как же? Сынуля мой! – Римма расплывается в океане нежности.

Сабина – художница, богема, и не очень-то правильная мать. Её больше увлекает творчество, чем возня с младенцем. Детская коляска большую часть времени торчит посреди комнаты в хаосе картин, холстов, красок, пьяных друзей Сабины. Гуляет она с младенцем недолго. Летом, правда,

подольше. А вот Римма выгуливает свой эмбрион тщательно, читает ему сказки, ходит по музеям, выставкам, концертам, заранее планирует его жизнь, его судьбу. Она пока ещё не знает, кем будет её мальчик. Это будет видно позже. Но наверняка кем-то творческим: художником, писателем, певцом. И, конечно же, очень талантливым и знаменитым!

Женщины медленно шли по июньской дорожке, а воздух цвёл, дышал, переливался и благоухал! Сабина болтала о чём-то своём, словно беседовала с собственными мыслями.

– " Жить прошлым – по магической спирали вращаться в исчезающих мирах". Сказал поэт. А прошлое всё время лезет в душу и в мысли, как его остановить? Вот мы с тобой, Римм, мы родили по залёту. Ну, ты ещё не родила, но всё равно. Планировали ли мы детей? Нет. Мне вообще никто не нужен – ни муж, ни сопляк. Мне бойфрендов достаточно и картин. У меня выставки...

– Эй, не надо так огульно, обо всех, – возмутилась Римма. – У моего сынули есть папа, я его специально выбирала, он талантлив, красив, умён!

– Ну, и кто это?

– Не важно. Я просто хотела умного, талантливого, красивого ребёнка. И всё. И никаких чтоб мужей, чтоб никто не вмешивался в воспитание, не претендовал на моего сына!

– А его папа знает, что он папа?

– Нет! Конечно нет! Сын только мой, я его зачала, выносила!

– Ну, конечно, зачем тебе ещё мужик какой-то. Ты же у нас сама себе королева, обеспеченная со всех сторон.

Это были самые счастливые годы для Риммы. Всеволод, милый, любимый Севочка, рос и вырослел, она нанимала ему всевозможных учителей. Он был очень красивым и способным мальчиком. С детства говорил по-английски, хорошо рисовал, но больше всего любил петь. Учитель пения был от него в полном восторге и пророчил ему блестящее будущее. Севочка дружил с Сабининой дочкой Ирмой. Мать девочкой совсем не занималась, и Римма взяла над ней шефство. Подкармливала девочку, позволяла заниматься вместе с Севой. Оба ребёнка быстро усваивали уроки.

Потом Всеволод и Ирма вместе поступили музыкальную школу, а затем – в Консерваторию на отделение вокала. Всем этим занималась Римма. Она уже видела блестящее будущее сына, и заранее гордилась им.

И вот – показательные выступления. Сева пел первым. Ухоженный, дорого одетый юный красавец с прекрасным баритоном, классическая песня на итальянском языке. Римма захлебнулась восторгом! Ирма вышла последняя. Её мать даже не пришла послушать дочь, ей вообще было не до неё, у той была своя жизнь. Ирма – в рваных джинсах и затасканной трикотажной кофте, вышла на сцену нелепой походкой. И запела. Зал замер! Глубокое, чувственное меццо сопрано поразило зрителей! В этих звуках было столько силы, столь-

ко огня, и столько грусти! Она затмила всех, кто пел до неё. Обаяние, выступление Всеволода померкло. Зал потонул в аплодисментах, Ирма – в цветах, а Римма – в смятении! В её душе творилось что-то невероятное, полный раздрай чувств! Жалость к девочке исчезла, теперь она её ненавидела, и ругала саму себя – вот, вырастила конкурентку сыну! Да как же так! Не ожидала такой подставы от Ирмы! Ну как всё это вышло, как она не заметила успешности девчонки!

Время летело. И вот – был объявлен большой вокальный конкурс. Туда трудно было попасть, но Римма со своими связями и деньгами подсуетилась и сунула туда Всеволода. Он к тому времени был не самым лучшим исполнителем, нашлись и более талантливые певцы. А Ирму она постаралась убрать из списков. Но об этом стало известно в последнюю очередь. Севе и Ирме она ничего не сказала об этом. Хотелось сделать побольнее дерзкой девчонке, пусть её завернут уже там.

Огромный зал, сцена, бархатный занавес, столы, комиссия из знаменитостей – в глубоких мягких креслах, на сцене – микрофоны, яркий свет софитов. За сценой – уточняются списки, кто за кем выступает. Всеволод идёт один из первых. А Ирмы в списках нет! Как, почему, ей же сказали, её назначили, как? Девушка в слезах убежала. Сева помчался за ней. А Римма – за ним, хватает его за рукав, пытается вернуть, но где там! Выскочил из здания, бросился через дорогу! Визг тормозов, крик! И тело парня, распостёртое на дороге. Он был мёртв. Римма просто ополоумела от горя! Жуткая тра-

гедия! Как перенести???

Но перенесла. Завела маленькую собачку, кобелька Сеню. Гуляла с ним целыми днями во дворе. Иногда ей казалось, что вон идёт её Севочка, рослый, широкоплечий, лёгкой походкой, вот же он, она кидалась следом – но это был не он. Ускользящий след счастья...

Однажды возле подъезда остановилась шикарная иномарка, вся в свадебных цветах. Из неё выпорхнула Ирма, в роскошном белом платье, а за ней – солидный молодой человек в дорогом костюме. Стали подъезжать и другие машины. Гулянье началось в квартире Сабины. Потом все вышли во двор, и выпорхнула нарядная Сабина с очередным своим бойфрендом, в руках у них – недопитые бокалы с шампанским. Римму они не заметили. Прошли мимо, погрузились в иномарки, и поехали догуливать в ресторан.

Римма проводила дни в прогулках да в еде, вперившись в экран телевизора. Она любила концерты, выступления певцов. И всё чаще видела известную молодую певицу Ирму. Тогда она доставала красивую бутылку дорогого коньяка, наливала в хрустальную рюмочку, и опрокидывала в рот. Напиток приятно обжигал гортань.

Через сотни вьюг

Рассказ миниатюра

Мысли были словно замёрзшие листья, а небо – будто холодный океан. Так бывает. Так было. С ней. Так она ощущала мир вокруг себя. И этот тёмный зимний вечер, и эту пустоту, которая была по-волчьи откровенна, она чувствовала её до отточенности остро. У неё была какая-то своя многомерность сознания. Спонтанная, неожиданная, непонятная. Она тащилась с набитой пакетами тележкой – маленькая, согнутая, в дурацкой старой шляпке-колпачке на макушке, в потрёпанной курточке, найденной на помойке – там же, где и шляпка. Старый гном. Бывшая красотка – невысокая натуральная блондинка с бирюзовыми глазами. Бывшая малышка редкостной красоты, с льняными кудряшками. Очаровательный ребёнок красивых родителей. С трагической судьбой. Теперь уже – сплюсненная грудой лет. Она приезжала на рынок в Тёплый Стан перед закрытием, и ей отдавали бесплатно подпорченные продукты. Её там знали. Она являлась туда каждый вечер. А потом волокла тяжёлую старую тележку домой, варила кашу с подтухшим мясом и дохлыми овощами для всех них – своих и бездомных кошек и собак. Её однокомнатная квартирка на десятом этаже была завалена барахлом, подобранным на помойках. Найденную одежду

она иногда перешивала, если это требовалось, превращала в нечто оригинальное и примоднённое, и чуть свет ехала на загородный рынок «Блошинку». «Блошинный рынок». Продавать. Там было много интересных вещей. Можно было за бесценок купить старинные серебряные вилки. Иконы. Всякие необычные и обычные предметы. Но она, Эмка, Эмилия Белова, ничего не покупала. Продавала найденное на помойках, которые она каждую ночь, вместе со своей слепой старой собакой, тщательно штудировала. Ей ведь надо было кормить семью – небольшой табун кошек и собаку. И другую семью, дворовую. А ещё, у неё была армия тараканов.

– Эмка, да вызови ты санэпидстанцию, уничтожь тараканов-то, – говорила я ей.

А она мне:

– Зачем, они ведь тоже жить хотят. Тоже Божьи твари.

– Ну конечно, – смеялась я. – У них там своя тараканья цивилизация.

– Да, – серьёзно отвечала она.

Её гнобили соседи по лестничной клетке. Её ненавидел весь подъезд. Из-за тараканов, которые проникали из её квартиры к другим. О ней ходили фантастические сплетни. Соседи не раз вызывали полицию. А она только смеялась. Такая форма самозащиты.

– Эмка, убирайся отсюда со своими тараканами, – раздражённо говорили ей.

– А при чём тут мои тараканы? – отвечала она. – Что они

вам сделали? Обычные животные. У вас просто инсектофобия.

– Это не животные, а насекомые, – говорили ей.

– А насекомые что, не живые? Животные от слова живот, жизнь. Всяка тварь есть животное. Разумное. И они тоже. Может, они поумнее вас будут.

Её возражения доводили соседей до белого каления. Её многократно пытались выселить. Но не получалось.

А через дом от неё жила интеллигентная, весьма обеспеченная любительница крепких напитков – Эльмира Ночвина. Да и как ей не пить, если само имя, да и сама фамилия у неё были такие весёлые. Эль мира ночь вина. Эль – это же крепкое пиво. Хмельная фамилия, вкусная – назюзюкаться пивом с вином, и балдеть. Что она и делала. Но предпочитала водку. Самую дорогую. Эльмиру все звали Элька. Почти как Эмку. Но Эльку любили, она дорого одевалась, и у неё был властный голос. И собака у неё была породистая и холёная. А у Эмки – подобранная на помойке ещё щенком, больным, которого она выходила, вылечила, вырастила. И голос у Эмки был пронзительный и тонкий. Непрезентабельный какой-то голос. А Элька была высокая, с большими мужскими ногами, а Эмка по контрасту с ней – Дюймовочка с маленькими ступнями.

Была очаровательная выюга, я гуляла в своей пушистой длинной шубе. Чудесный морозный вечер. Мимо тащилась со своей вечной тележкой Эмка, гном в дурацкой шляпке,

спина согнута, башка вниз, ничего вокруг не видит.

– Эмка, привет! – окликнула я её.

Она подняла голову, заулыбалась. Заговорила о чём-то своим пронзительным голосом. Я её оборвала:

– Ты мне вчера приснилась. Что ты померла дома, и тебя тараканы съели. Большие такие, упитанные, блестящие.

– А кошки-то и собака как? Как они-то, живы?

– Живы, даже растолстели и распушились. Смотрели, как тебя тараканы жрут.

– Ну и хорошо, – засмеялась Эмка. – Пусть жрут. Хоть какая-то польза от меня. Зачем мне тело, если душа-то уже ушла. Пусть хоть живность попирует.

– Да уж, пир ты им устроила царский. Правда, во сне только, в моём. А тебе что снилось?

– Да ничего. Я так устаю, что снов не вижу, – ответила она, и начала было что-то рассказывать про своих уличных питомцев – собак и кошек, какие они были красивые, умные, и как их всех потравили догхантеры, и как они в мученьях умирали. Я не стала слушать этот негатив.

– Ну, пока, Эмка, я спешу, – сказала я, и прошла мимо.

Да, у судеб разный почерк. А мы просто – разные скитальцы. Снег такой хрусткий, мороз так вкусно пахнет. А в голову лезут картины смерти несчастных собак и кошек, жальность, возмущение, злость пронзают душу. Ну, Эмка, вечно ты что-нибудь гадкое расскажешь! В тот раз – про замерзающего бомжа пришлось выслушать, которому она таскала

еду, тёплую куртку, сапоги на помойке искала. Просто – старый бомж. И рассказала про него какую-то пронзительную, страшную историю. Мне после этого её рассказа словно душу прищемили. Первый порыв был – броситься спасти человека. Но я тут же затоптала в себе вспыхнувшую искру. Зачем мне эта морока? Мало ли бомжей в Москве, всех не спасёшь. Да и что я могу сделать? В конце-концов, у каждого своя судьба. Но океан эмоций, мыслей распирает мозг, и невозможно было достигнуть дна. И жалость, бездонная, как небо. А потом она сжалась, словно лоскут. И я засунула её в карман прошедших дней. В пятницу меня затащила к себе большеногая Элька. Она купила очередные высокие сапоги ботфорты, кожаные, бронзового цвета. Мы весело болтали, она пила водку, я – кракадэ. Люблю этот чай. На столе была хурма, оранжевая, яркая, вкусная! Элькина породистая собака просовывала морду через моё плечо, хватала хурму, и сжирала. Какая-то необычно всеядная псина. Элька затянулась сигаретой, дорогой аромат повис в воздухе. Налила себе "Абсолют" В не зашторенных ещё соседских окнах сквозила обнажённость года.

– А я себе стельки заказала, – сказала Элька.

– Зачем? В магазине полно стелек, – сказала я.

– Э-э, там не те, – сказала Элька. – У меня особенные. Из шкуры бизона, на которую нашита в два слоя шкура койота, и всё простёгано. На сайте у охотников.

– И сколько же это чудо стоит? – поинтересовалась я.

Она назвала цену. Я вытаращила глаза.

– Теперь я буду звать тебя Элька-стелька, – сказала я.

– Когда-то была Элька-постелька, но теперь время вышло, – усмехнулась она.

Осторожно, не шути так!

Мир превратился в неизбежность, с ума сводящую! Из-за ерунды, из-за шутки! Просто она любит пошутить. А что, нельзя разве? Ну, так, просто поприкалываться. А что такого?

Был блистающий солнечный день, лето, всё цветёт! Какой лёгкий горячий воздух, сколько цветов в парке! Рая ждала подружку Аду, сидела на скамейке, уставившись в смартфон. Рядом плюхнулась девушка, к ней на колени залез малыш лет семи. Они болтали, до Раи долетали слова:

– Ну а в школе-то ты сегодня что делал?

– Задачку решал.

– Какую?

– Смешную такую! Летели два верблюда, один зелёный, а второй налево. Сколько весит килограмм асфальта, если ёжику четыре года?

– Решил?

– Да, сразу! Весит килограмм! Это же понятно! Но я не понял, почему верблюды летели? Они разве летают?

– Нет, ты же знаешь. Но эти были генномодифицированные, с геном птиц.

– А-а. А почему тогда один был зелёный?

– Ему в кровь учёные ввели зелёный краситель.

– Зачем?

– С целью эксперимента.

– А второму тоже ввели?

– Нет. Тот был рыжий, там другой эксперимент был.

– А тогда при чём здесь эти верблюды, да ещё и ёжик? – удивлялся малыш. – Задача же про асфальт? Зачем тогда эти?

– А это чтоб отвлечь внимание. У нас всё так в стране. Политика такая.

Тут подошла Ада, и девушки направились в стеклянное кафе на берегу пруда. Обе они были в коротеньких шортах и майках, волосы выкрашены в цвет бетона с зелёными пряжками, но причёски разные: у Раи левая часть головы была с отросшим ёжиком, а правая – длинноволосая, а вот Ада была с дредами. Они сели на высокие вращающиеся табуреты, и заказали кофе и шоколадные кольца с кремом. Ада принялась смотреть на пруд, а Рая достала смартфон.

– Ой, гляди, гляди, невеста сейчас букет кинет! Бежим скорей ловить!

Девушки сорвались с места и помчались к пруду. Там веселилась свадьба, невесту обступили подружки в одинаковых жёлтых платьях и, толкаясь, тянули руки к букету, которым размахивала невеста. Она явно не спешила его бросать! Гуляющие останавливались, с любопытством глазели на всё это. Рая с Адой подбежали и почти уже примкнули к толпе настропавившихся девиц, но тут букет взвился ввысь, перелетел через их головы, и попал в руки смеющейся пожилой

даме в фирменном сарафане. Дама была очень полная, круглолицая, ясноглазая. Рая тут же подскочила к ней, протянула руку, и потребовала:

– Дайте букет, вам-то он зачем?

– Я люблю цветы, – сказала пожилая дама, блеснув глазами.

– А это свадебный букет. Тут примета, – заявила Рая.

– Что, замуж хочешь? – спросила пожилая дама.

– Не откажусь, – ответила Рая, наступая на неё и пытаясь выхватить букет. Дама отводила его в сторону.

– А за кого?

– Да какое вам дело? Ни за кого! – раздражённо воскликнула девушка, и выхватила букет из рук пожилой женщины.

– А за Ангела Смерти? – сказала та, хохоча.

– Да за любого Ангела, мне всё равно, – отозвалась Рая.

Потом они с Адой поделили между собой огромный букет роскошных белых роз. Цветов в букете оказалось, почему-то, чётное число. Девушки ахнули.

– Прямо как для покойника! – воскликнула Ада.

– Может, кто-то желал невесте смерти? Кто-то ревнивый и обиженный?

– Ну а нам даже лучше, всем по одиннадцать роз досталось! Класс!

– Прикинь, какая странность! Ну, а? Букет поймала бабка! – сказала Рая.

– Бабка модная, симпатичная, с хорошей стрижкой и в ма-

никюре, – сказала Ада. – У ней такой перстень! Она тебе Ангела Смерти напорочила. Не простая эта бабка.

– Да брось ты, чепуха всё это, – отмахнулась Рая.

– Она у меня так и стоит перед глазами, – сказала Ада.

– Ты впечатлительная, – сказала Рая. – Забудь. Пойдём на лодке прокатимся. Вон же лодочная, прокат. Завтра на работу.

Возле проката лодок была очередь. Девушки встали за мужчиной с семьёй. Тот держал за руки двух малышей, а жена уткнулась в смартфон. Она что-то там читала и комментировала:

– Рыбаки спасли тонущую собаку, которая оказалась молодым волком. Ну, ничего себе! Кремль хрен знает что творит, уже волки гавкают.

Стоять в очереди не хотелось, и девушки вернулись в кафе.

Понедельник был облачный. Работа находилась рядом с домом, и Рая не спешила. Она медленно шла по улице, жары не было, и она наслаждалась парным летним утром. Магазин был на первом этаже огромного торгового центра. Ада была уже там. Рая надела фирменный костюм с бейджиком, и принялась болтать с подругой. Покупатели в магазин редко заглядывали. Вещи там были стандартные, а цены – заоблачные. Обычно сюда забредал случайный люд, любопытствовал и быстро уходил. Но зарплата у девушек была при-

личная. Устроили их сюда работать по знакомству. Хорошее это было место.

– Слушай, мне тут анекдотец рассказали, вот... – Ада не закончила фразу. Её прервал громкий хохот. Девушки вздрогнули и подняли глаза. Напротив них стояла пожилая дама и заливалась смехом.

– В чём дело? – удивились подруги.

– А вы в зеркало когда смотрели? – давилась смехом дама.

– Не поняла, что смешного-то? – спросила Рая.

– Ваши бейджики. Консультант Рая и консультант Ада.

– Ну и что? Мы консультанты, и это наши имена.

– А вы про рай и ад в курсе, вообще-то? – усмехнулась пожилая дама. – Какой у вас тут глупый магазинчик. Хозяин криминальный, сразу видно, деньги отмывает. На таком барахле – такие ценники.

Она скорчила смешную рожицу, и ушла.

– Слушай, Рай, это та самая бабка, – прошептала Ада. – Та, с букетом. Не нравится мне она. Плохая примета.

– Ну ты что, нет такой приметы, не выдумывай, – сказала Рая.

– А я думаю, неспроста она тут возникла. К беде это, – поёжилась Ада. – Может, это нечистая сила какая-то?

– Это ты ужасиков насмотрелась потусторонних, – успокоила подругу Рая.

– Девчонки, футбол! – кивнул на экран сотрудник с бейджиком «seller Павел». – Португалия с Францией играют!

– Я за Португалию болеть буду, – сказала Рая.

– А я за Францию! – решила Ада.

Консультантки и seller уставились на огромный телеэкран, встроенный в стену.

– Бей!

– Мимо!

– Гол!

– Мои побеждают!

– Нет, мои!

– А-а! Уроды!

– Португалия, вперёд!

– Франция, вперёд!

– Да иди ты!

– Сама иди, дура!

– Сама дура! Слушай, а Франция в какой форме играет? – спросила Ада, болельщица за Францию.

Павел захохотал.

Тут в магазинчике опять возникла та самая пожилая дама.

– Ребята, сделайте мне кофе, сил нет, все этажи обошла.

Ну и компашка тут у вас, консультанты адские и райские, да ещё апостол Павел. Паша, отлипни от телика и дай мне кофе.

Голос у неё был повелительный, властный, и Паша сразу же повиновался. Он отошёл от экрана и нажал клавишу кофемашины.

– Поставь мне кресло вот сюда, – скомандовала пожилая дама. – Посмотрю футбол. Меня Эра зовут, можно Эрочка.

Ада тихо произнесла, наклоняясь к уху подруги:

– Бабка странная. Ей лет шестьдесят, а такая энергичная.

– Какие там шестьдесят, – прокомментировала Эрочка. –

Мне восемьдесят семь.

– И слышит всё как кошка, – прошептала Рая. – Действительно, странно.

– Собаки тоже прекрасно слышат, и многие другие животные, – отозвалась Эрочка. – Если вы не в курсе.

Вечер был великолепен! Яркий летний вечер! Домой идти не хотелось, и подруги пошли в парк. Атракционы работали, кафешки и палатки с едой были на каждом шагу. Девушки свернули от входа налево, и пошли напрямик через рощу, сокращая путь. Трава серафинитного цвета шуршала под ногами.

– Знаешь, Ад, я вот всё думаю, почему вот так всё? Странно как-то, – болтала Рая. – И не правильно. Почему вот страшненькие и глупые девки выходят замуж за красавцев, умников, богачей? И у них, у девок этих, отбоя от парней нет. Что в них мужики находят?

– А что тут странного? Дело-то вовсе не во внешности, ни в цвете волос, ни в фигуре. Дело всё в магнетизме, в особом обаянии, в эманациях, которые излучает человек. Да. Женщина там, мужчина, не важно, кто.

– Откуда ты знаешь?

– Читала, изучала этот вопрос, наблюдала.

– Ой! Смотри-ка! – вдруг вскрикнула Рая. – Это же крутой смартфон!

Она нагнулась, протянула руку к предмету в траве, но Ада её оттолкнула:

– Нет! Не трогай! А вдруг это взрывное устройство?

– Чего ты! Отстань! – разозлилась на подругу Рая.

– Не трогай, говорю тебе! – крикнула Ада.

– Меньше телик смотри! Всё тебе мерещится чего-то! Телеманка хренова!

В этот момент телефон зазвонил. Рая схватила его, поднесла к уху. В трубке раздался женский голос:

– Гена?

– А Гены нет, – ответила Рая.

– Что? Вы, собственно, кто?

– Я это я. Тут в парке труп мужской валяется, смартфон из кармана торчит, вот этот самый, – пошутила Рая.

– Как труп, что вы несёте? – взвился в телефоне голос.

– Может, он и Гена, не знаю, знакомиться он не желает, такой он, знаете, невежливый, – продолжала прикалываться Рая.

– Девушка, а как он выглядит? – допытывалась женщина.

– Очень плохо. Грязный весь, окровавленный какой-то, неумытый!

Ада вырвала у подруги мобильник и хотела забросить подальше в кусты, но Рая перехватила её руку. Снова завладев телефоном, она продолжила разговор. В трубке теперь был

мягкий ироничный мужской голос:

– Я Гена. А вас как звать, девушка?

– Рая, – весело ответила она.

– Это я потерял смартфон. Но если он вам нравится, могу подарить. При встрече. Вы сейчас в парке? Я подойду. Где увидимся?

– В кафе возле пруда. А знаете, какой парк?

– Знаю.

Ада покрутила пальцем у виска и сказала:

– Ты просто дура. Нарвёшься на маньяка.

– Не болтай ерунду. Если ты такая трусиха, иди в другую сторону. Я просто шучу, а у Гены очень приятный голос. Никакой он не маньяк.

– У тебя пониженный барьер риска, – ответила Ада.

– А у тебя повышенный. Можешь не сопровождать меня.

– И не буду, – обиделась Ада, резко повернулась и ушла.

«Вот дура-то», – подумала Рая расстроено. Он слегка приуныла. Но через минуту уже забыла обо всём, и ринулась навстречу приключению.

Возле кафе было много народа. Не успела она заказать себе кофе, как к ней подошёл невысокий коренастый молодой мужчина. Он весь так и искрился улыбкой. На нём были бежевые брюки и чёрная майка, слегка отросшая щетина закрывала щёки, волнистые тёмные волосы спадали на плечи. Он сразу понравился Рае.

– Привет! – сказал он так, словно их связывали близкие

отношения. – Я Гена.

Он чмокнул её в щёку. Рая слегка опешила.

– Какой кофе любишь, что ещё будем? Я угощаю. Пирожные?

– Мне капучино и шоколадное кольцо с кремом, – сказала Рая. – Нет, два кольца.

– Что хочешь, зайка, и шоколадные, и золотые, и бриллиантовые! – сказал Гена, и сделал заказ.

Рая всё больше удивлялась. Её поражало невероятное обаяние парня, его раскованность, лёгкость.

Они долго сидели за столиком, пили кофе с пирожными. Гена достал из кармана маленькую бутылочку коньяка и то и дело по чуть-чуть подливал в кофе. Рая развеселилась, принялась рассказывать о себе и о знакомых всё подряд:

– Иду я как-то с дискотеки поздно вечером домой через парк. Зима, темно! Никого нет, безлюдно! Вдруг слышу: Стоять! Я от неожиданности остановилась. Лежать! Я рухнула в снег. Ползи! Поползла. Вдруг над ухом раздаётся: Девушка, вам плохо? Я тут с собачкой занимаюсь, смотрю, вы ползёте...

– Ха-ха-ха!!!

– Хо-хо-хо!!!

– А где ты живёшь? Рядом где-то, наверно? – парень ласково заглядывал ей в глаза.

Рая смотрела на его чувственные губы, на его сильную шею, обрамлённую блестящими волнистыми волосами, и

сердце её сильно билось. Она видела, что нравится парню, что она очень интересна ему. И она без умолку болтала:

– А мы с подружкой из Твери. Моя подружка Ада, мы с ней с детства, в одном дворе. Здесь квартиры снимаем, я в доме тут рядом, она подальше. И работаем рядом, в торговом центре тут. Работа классная, магазин пустой, дел почти никаких, зарплата приличная. Нас устроил дядя Ады, он у хозяина магазина шофёр...

Потом они катались на катамаране по пруду, ездили на аттракционных машинках по парку. На скамейке Рая заметила Аду с Элочкой, они оживлённо беседовали. «Во, Адка нашла себе новую подружку», подумала Рая, и помахала им рукой. Но они её не заметили. Солнце уже садилось. Рая утомилась от впечатлений и развлечений. Она уже еле ноги волочила, и к тому же очень хотела есть. Заботливый Гена заметил это и предложил перекусить где-нибудь в цивильном месте, и они направились в маленький грузинский ресторанчик неподалёку от парка. Там они долго ужинали сациви из индейки, аджапсандали, пили ароматное грузинское вино. А на улице пошёл дождь, он пах забродившим домашним вином. Они гуляли под дождём и обнимались. А ветер комкал серый пергамент неба, кружил капризную ночь. Из-под лунной ветровки струился полумрак. Но вот они подошли к её подъезду, и Гена попросился на чай. «Расскажу Адке, обзавидуется, – подумала Рая. – Вот такой её маньяк!»

Дождь кончился, небо очистилось, и выкатилась огром-

ная, начищенная до блеска луна.

А дальше всё было как в бреду. Полнолуние, пьяный чай (почему он вдруг стал таким пьянящим?), очень сладкие остатки торта из холодильника, неистовое метанье и слетевшее на пол одеяло, какое-то ярое безумье вертело их в круговом порыве, и она замирала под его пожаром!

Горячее солнечное утро застало её в постели. Одну! Наверно, Гена на кухне, ой как вкусно пахнет кофе! Скорее к нему! Нет, срочно в душ!

Рая метнулась в ванную, быстро приняла душ с розовым гелем, накинула на влажное тело халатик, и впорхнула в кухню.

И остолбенела! За столом пили кофе незнакомые мужчина и женщина в одинаковых чёрных джинсах и чёрных майках, с короткими жёсткими волосами. Увидев её, они повелительными жестами приказали ей сесть.

– Вы кто? Что вы здесь делаете? – вырвалось у Раи.

– Пьём кофе, – ответила женщина, – как видишь.

– А кто вы?

– Я Герасим, – ответил мужчина.

– А я Му-Му, – сказала женщина с усмешкой.

– А где Гена? – вырвалось у Раи.

– Вот это мы и хотим узнать, – ответила женщина. – Где Гена, а?

– Как вы сюда попали? Что вам надо? – запаниковала Рая.

– Прошли сквозь стены, – сказал Герасим. – А надо нам

Гену.

– А где Гена? – тихо спросила Рая.

– Пошёл цветы тебе покупать.

– Пошёл на работу.

– Давно за ним охотимся, вот Му-Му заказала его, и даже услуги киллера авансировала. Дала мне аванс. А этот гад всё ускользает и ускользает. Мы его отследили по смартфону, так он смартфон выбросил. Хорошо, что ты подобрала и носишь с собой. Смогли найти.

– Вошли, так нет же, смылся, почуял.

Все чувства и мысли Раи заштормило. Она представила себе, как радостный Гена бежит покупать ей цветы. И как к двери подходят эти двое, достают отмычку, проникают внутрь, входят в комнату и видят спящую голую её на смятых простынях, ухмыляются, идут на кухню, шарят по её шкафчикам, находят кофе, заваривают, неспешно пьют и обдумывают убийство Гены, её Гены! Надо что-то делать. Позвонить ему, предупредить. Его смартфон у неё. Но у него есть второй. Он с него уже звонил. Так, телефон в сумке, сумка в коридоре.

Рая кинулась вон из кухни, но мужчина крепко схватил её за руку, дёрнул, усадил на стул.

– Не рыпайся. – Он выложил на стол пистолет. – Шаг в сторону – пуля в живот.

– Мне же на работу надо! – вскрикнула Рая.

– У тебя теперь другая работа. Искать Гену.

– А кофе себе налить можно? – помертвелыми губами произнесла она. – Растворимый. Вон там стоит, на окне.

– Можно.

Рая подошла, взяла с подоконника баночку растворимого, глянула в окно. И чуть не упала. Посреди двора стоял Гена и смотрел в смартфон. Сейчас он позвонит ей, и всё! Ему конец!

Её окатило жаром. Надо действовать! Окно слегка приоткрыто. Она резким движением распахнула его, вскочила на подоконник и выпрыгнула вниз!

Мелодия прокравшегося дня сияла золотыми мотыльками мгновений, они безрассудно роняли пыльцу надежд. Рая открыла глаза. Белый айсберг оказался машиной скорой помощи. Пингвины альбиносы – врачами. Зелёный снег – газом. Звучали слова:

– Никаких повреждений нет, госпитализация не нужна. Второй этаж, не высоко.

– Это она в состоянии аффекта, – сказал Герасим. – Мы пили кофе и шутили.

– Небось, и курили всякую дрянь, – сказал врач.

– Нет. Просто шутили. Розыгрыш.

– Не надо так шутить, – сказал врач, садясь в скорую.

Вокруг Раи толпились Герасим, Му-му, Гена. Они с тревогой смотрели на неё. Через двор спешила встревоженная Ада. Она весь день звонила подруге, но та не отвечала. И Ада раньше времени умчалась с работы, почуяв неладное.

Потом все они сидели на кухне у Раи, пили чай, и обсуждали случившееся. Оказалось, что это троица молодых людей придумывала разные шутки. Игра такая была. Все по очереди. Эта шутка была от Гены. Они подбросили мобильник в парковой роще, спрятались за кустами, и смотрели, кто его подберёт. Сюжет они сочиняли по ходу действия. Импровизировали в зависимости от типажа объекта. Такая вот азартная психологическая игра, развлечение, в общем.

За окном тускнели витражи неба, проглядывал насыщенный летними ароматами вечер. А в душе Раи был какой-то надрыв, всё болело, словно её долго били. Всё закончилось, но всё только началось, и её мир превратился в неизбежность, сводящую с ума. Навязчиво пели сумерки перевёрнутой души, и где-то аукался свет. Песок вечности струился с потолка палаты, и сажа ножевых мгновений мучила сознание. Она не понимала, как и когда она попала сюда, ведь только что она находилась дома, на кухне, с людьми... с какими людьми? Ада, Гена... Любимый, близкий ей Гена... И ещё кто-то... Люди... Кто? Эрочка? Там была Эрочка? Или нет? И вдруг раздался дикий визг! Это визжала женщина на соседней койке. Женщина вскочила и бросилась к двери с воплями:

– Крокодил! Там! Там! В окне!

Вошла санитарка. Она стала увещевать больную, объяснять, что палата на четвёртом этаже, и крокодил сюда не допрыгнет. Но женщина не верила и вопила. Санитарка сказа-

ла, что крокодил уже ушёл. И тогда женщина посмотрела в окно и успокоилась.

«Ах вот что... Я в психушке...» – поняла Рая.

И не говорите, что это тайна!

Теряя прошлое из виду... Как бы не так! Я стою у окна и смотрю, как плывёт в темноте, над высоткой, по самому краешку ветра, бледно-серый ошмётток луны... Его постепенно съедает тёмное облако, похожее на акулу. На неё... Пришло на ум: крупнейшая китовая акула whaleshark питается планктоном... Сразу вспомнилась моя подруга Милана и её невестка – братняя жена. Милана про неё рассказывала, да, та ещё штучка. Жена её младшего брата. Не травоядная, отнюдь. Алина. Прошло уже много лет, и это случилось. И я тут оказалась замешана. Влипла в эту историю как-то невнятно и судорожно. Какие у них красивые имена, редкие, а у меня совершенно банальное – Ольга. Эта семья с яркими именами, и всё у них так непросто. И родители у Миланы были людьми непростыми, крупными учёными, весьма обеспеченными при Советской власти. И был у них большой красивый дом в Переделкино, это в то время считалось элитным местом, писательские дачи, Дом Творчества Писателей там знаменитый. Потому что дед Миланы был ко всему этому причастен. Это был известный человек. Милана и брат были ещё юные, но весьма продвинутые, начитанные, утончённые. Брата звали Платон. Не плохо, да? Платон и Милана, звучит. Весёлые, загорелые, с очень живыми яркими глазами, с густыми кудрями, отливающими тёплым

ночным небом. Разница в возрасте у них была значительная, восемь лет. Милана опекала брата. Рано утром они ходили купаться, потом гоняли на велосипедах по посёлку, порой бродили по лесу – собирали шишки для самовара. Крепкие, спортивные, в шортах и майках, они были великолепы! А в этом месте снимала дачу некая Галина с дочкой Алиной. Обе они искали состоятельных женихов. Обе были весьма опытные, и сорокалетняя мать, и двадцатилетняя дочь. Они уже повидали жизнь. Мать, Галина, быстро разведала всё про сию успешную и состоятельную семью, про завидного жениха, и настропала дочку. Алина была молниеносная и чёткая. Хищная штучка, весьма умелая и целенаправленная. И вот явились обе, Галина с дочерью Алиной, на разведку. Обе поджарые, длинноногие, в стильных сарафанах – их Галина сама сшила, яркие и открытые, короткие, в оборочках. Осмотрели дом. «Ну и особняк, просто сказка!» – подумала Галина, и шепнула дочке:

– Цель! Здесь твой будущий жених, я выяснила. Его надо взять!

И они повадились играть в бадминтон на дорожке возле «цели». И всякие здесь игры частенько устраивать стали – то волейбол, то метание колец. Вскоре, как бы невзначай, пригласили сначала Милану, потом и брата её, Платона. Так, по-соседски, по приятельски. С тех пор они стали добрыми знакомыми семьи. И Алина, натренированная матерью, запустила коготки в Платона. Родители и сестра Платона, Ми-

лана, умилялись: вот, у мальчика уже девушка появилась, какая прелесть! Да, теперь Алина стала девушкой Платона. Потом – его невестой. Её мать, Галина, захаживая в гости, так просто, по-соседски, стала поговаривать о свадьбе. Готовить почву, приучать к мысли. А дочь её, Алина, активно приручала и обрабатывала Платона. Он был ещё совсем молоденький несмышлёныш. Ему льстило внимание этой нарядной, решительной, такой напористой и уверенной девушки. Да, Алина очень старалась. И вот свершилось! В тот же год она стала женой Платона и внедрилась в дом. Родители и Милана оставили дом молодым, а сами вернулись в Москву, в свою большую квартиру. Вскоре и Милана тоже вышла замуж. В жизнь Платона родные не вмешивались. А зря. Алина оказалась очень плохой хозяйкой. Мужа она не любила, зато пылала страстью к кошкам, у неё их стало великое множество. Все деньги, что зарабатывал Платон, уходили на кошечек, на косметику и наряды Алины, на её украшения. Дома было не убрано, еды мало. Мясо полагалось только кошкам. И вот случилось так, что Платон влюбился в утончённую интеллигентную женщину, кандидата наук, Евгению. Это было сильное и взаимное чувство. Он, конечно, сразу рассказал всё сестре. «Кошмар! Семья распадётся! Этого нельзя допустить! Надо сохранить семью!» – подумала Милана. Она взяла у брата номер телефона Евгении. Стала ей периодически звонить. Женщины рассуждали о жизни, о мужчинах, о Платоне в том числе. О нем Милана рассказывала жуткие исто-

рии, сочиняя на ходу. Главное было, отвадить разлучницу навсегда. Она говорила, что брат психически болен, что он наркоман, что у него ужасная наследственность, и так далее, всё самое негативное, что приходила на ум. Она настоятельно и сокрушённо советовала расстаться с ним, не отвечать на его звонки. И Евгения поверила, послушалась. Платон ничего не мог понять и очень остро переживал разрыв с любимой. Но семья сохранилась, и Милана праздновала победу. Она чувствовала себя вершительницей судеб, спасительницей!

Прошли годы, Алина родила сына, потом второго. Дети росли заброшенными, мать занималась только собой и кошками, завела любовника на стороне. Платон с утра допоздна работал. Сыновья выросли никчёмными, один наркоман, второй алкоголик. Питались все плохо, были не совсем здоровы. Только лишь Алина цвела, наряжалась, гуляла. Салоны красоты, шоколадные обёртывания, массажи, пластические операции, поездки на курорты с бойфрендами.

Всё это с горечью поведала мне Милана на прогулке в парке. Мы сидели за столиком в нашем любимом кафе на берегу пруда, пили капучино с корицей и ели мороженое. Милана каялась, что испортила жизнь брату, разрушила его любовь, уничтожила будущее счастье. Да, она поняла уже, что Евгения была послана ему свыше, как спасение, как жизнь. А Милана убила это. Ведь тогда ещё у брата не было детей. Развод был бы лёгким.

Ну, я посочувствовала, что ж. У каждого в жизни бывают

ошибки.

Она часто мне рассказывала всё это, переживала, и отчаянно думала, как исправить случившееся. Как искупить свою вину? Она видела, что Платон чахнет, болеет, что Алина постепенно уничтожает его. Она мучилась, страдала, со временем всё наслоилось друг на друга в её жизни – смерть любимого мужа, распад страны. Её душа была словно обломок той стены, которую Россия уронила в бездну.

А потом на прогулке в парке Милана как бы невзначай познакомила меня с Платоном. Это оказался высокий красивый мужчина. Он сразу увлёкся мной, это было так заметно, что я смутилась. «Интересно, как он меня воспринимает? – подумала я. – Ну, да, я ведь моложе него на пару лет, симпатичная, самодостаточная, одинокая, с квартирой. Прекрасный вариант». И я поняла задумку подруги. Она решила спасти жизнь брата за мой счёт. Ну, уж нет! С какой стати! Искупить свой грех мной, ценой моей свободы! Не выйдет!

Платон восторженно глядел на меня, что-то говорил. Я скорчила недовольную гримасу, и отвернулась.

С тех пор каждый раз при встрече Милана сообщала, что Платон никак не может меня забыть. Шли годы. Платон часто звонил сестре и спрашивал:

– А как там Оля?

– Всё такая же, не меняется, – отвечала Милана.

– Потрясающе! – восклицал он.

Потом он стал болеть. Жил на лекарствах. Алина спрята-

ла от него все таблетки. Из-за этого состояние его сильно ухудшилось, и вот наступил критический момент, Платона увезли на скорой. В больнице уже не могли ему помочь, требовалось дорогое лечение. Он позвонил сестре. Нужны были деньги, двести тысяч. Сын Миланы, работающий в иностранной фирме, дал ей эти деньги для Платона. Она передала их Алине. Но та не стала проплачивать лечение, а купила себе роскошную шубу. Платон умер.

На похоронах к Милане подошла малознакомая женщина, родственница Алины, и неожиданно сказала:

– Да, она его убила сознательно. У неё молодой любовник. И не говорите, что это тайна!

Как-то раз Милана, рассказывая всё это, упрекнула меня:

– Если бы ты тогда не отворачивалась от Платона с таким видом, будто он тебе противен, если бы ты приняла его, он был бы жив! Он бы столько для тебя сделал, квартиру бы тебе отремонтировал, новую мебель бы купил, и всё, что хочешь! Он ведь был в тебя так влюблён!

– Ну да, конечно, – сказала я, и подумала: «А оно мне надо? Зачем он мне?».

Её перепутанные временем воспоминания сплелись в фантастический узор. Она шла, украдкой вытирая слёзы души, и куталась в шаль, пряча туда талое небо этого дня – дня рождения и смерти брата. Это была одна и та же дата, и годовщина была сегодня. Она не попала на кладбище – туда её обычно возили на машине то сын, то внука, но сегодня они

были заняты. Горечь и тяжесть давили её. Она с трудом поднялась на крыльцо, вошла в подъезд. И стала забираться по ступеням к лифту. Тучная сутулая очень пожилая женщина с яркими молодыми глазами, ухоженная, одетая со вкусом. У двери квартиры на первом этаже сидел на корточках седоволосый сухощавый мужчина, он что-то ремонтировал. Вдруг он обернулся, и спросил:

– Помочь вам?

– Нет-нет, спасибо, – ответила Милана.

– Я всё же помогу, – сказал он, подошёл, и очень бережно и нежно взял её под руку. Довёл до лифта.

– Хотите, я провожу вас до квартиры? – спросил он.

– Нет, спасибо, – ответила Милана.

– Вы такая прекрасная дама, – сказал он, и очень нежно поцеловал её в лоб. Это был не мужской поцелуй, а какой-то неотмирный. И Милана поняла, что это было от её брата. Это он так трогательно поцеловал её через незнакомого мужчину. Милана взглянула на него. Это был пожилой армянин, но он чем-то был похож на Платона, выражение лица, глаза, фигура. Она поднялась к себе домой. И поняла, что Платон с ней, что он рад, и они вместе сейчас отметят эту дату. Достала из холодильника сухое вино, закуски, накрыла стол, поставила фото брата. На душе стало светло и уютно.

Активная блондинка в интерактивном поясе для чулок

Миниатюра

– Ты чего это чёрный пояс для чулок напялила на лосины телесного цвета?

– Это интерактивный пояс.

– Ну, ты даёшь! И топик у тебя телесный. Зачем?

– Так задумано.

– Такой вид, будто ты голая и только что сняла чёрные чулки.

– Да.

– Ну, ты даёшь! Смотри, все на тебя пялятся и фоткают.

– Да. И на видео снимают. Вижу.

– И что, как тебе это?

– Отлично. Растачат по инстаграмам, потом я стану мемом, потом меня снимут в рекламе, а это – деньги, узнаваемость, известность. И стану я медийным лицом.

– Ладно. А дальше что?

– Увидим. Самой интересно.

Она кокетливо склонила к плечу свою светловолосую головку с немислимой фаллической причёской. Высоко над ней дымился тусклый уголёк солнца в прозрачном белье об-

лаков. Густел знойный воздух.

– Ну, ты даёшь! – сказала я. – Это всё твои фантазии.

– А ты не понимаешь, что истина во мне, что есть на солнце пятна, и кляксы на луне. Экспромт, – сказала она с серьёзным видом, и расхохоталась.

– К чему ты это говоришь, – сказала я. – Мысли у тебя не попадут.

– Мои мысли пахнут мятой даже в маечке помятой, – добавила она, и сощурила глаза.

– У тебя не маечка, а топик, – сказала я.

– Раньше это была маечка. Я её превратила, – сказала она.

– Ты и сама превратилась, – сказала я.

– Не я, а лишь мой облик, – ответила она.

– Облик не изменился, – сказала я.

– Ну да, он вхож, как прежде, в тишину, и выхож в дождь, то бежевый, то белый, – ответила она.

– Опять это словоблудие. У тебя душа вывернулась наизнанку, – сказала я.

– Душа моя наивна и вольна, твоя ж душа побитая годами, – ответила она.

– Но-но, мы ровесницы. Наш возраст совпадает, не борзей, и пыль стряхни с седеющих бровей, – поддразнила я её.

– Это лишь возраст тел совпадает, а у души свой возраст, – сказала Злата. – Да и у тел тоже всё индивидуально, независимо от даты рождения. А брови мои поседеют не скоро, заткнись.

Не очень молодая шатенка в длинном цветастом платье подошла к нам. Невысокая, худощавая. Это была Нина из дома напротив.

– Ой, здравствуйте, рада вас видеть! – воскликнула она. – А у меня вчера был День Рождения, дети пришли, я приготовила отварной язык, такой вкусный!

– Поздравляем, – сказали мы со Златой одновременно.

Рядом с нами остановилась Галя, балерина. Бывшая. На руках у неё пушистились две сонные маленькие чихуашки. Из кармана курточки торчал поводок. Это была узколицая брюнетка с очень прямой спиной.

– Привет, девчонки, – сказала она. – Я тоже язык покупаю, собак кормлю.

Она чихнула, и пошла дальше. Нина вдруг расплакалась.

– Ты что, в чём дело? – спросила я.

– Меня ещё никто так не оскорблял, – ответила она.

Для Нины язык был праздничным деликатесом, очень дорогим для её бюджета.

– Ну, вот ещё, расстроилась из-за чего, ну, ты что, – стала я её успокаивать. – Просто Галя вегетарианка, она хотела сказать, что мясо есть не полезно.

Нина быстро ушла, глотая слёзы.

– Какая-то она эмоциональная, – сказала Злата, глядя ей вслед.

«Сейчас она очередной экспромт нелепый выдаст, чокнутая поэтка», – подумала я. Но она промолчала. И мы пошли

ко мне.

Сначала пили кофе, потом – чай, потом ели арбуз. Злата без конца болтала витиевато и загадочно, не всегда можно было уловить ход её мыслей. Это мне нравилось. Потом мы переместились в мою спальню-кабинет, и я продемонстрировала свою новую забавную лампу в виде хрустального шара, внутри которого кружились разноцветные огоньки. Они карусельно мчались по стенам, потолку, полу, и моя пёстрая кошка Мякуся прыгала за яркими бликами, пытаясь их поймать. Было очень смешно.

– Кошка у тебя шустрая какая! – восхитилась Злата. – Расскажи про неё.

– А что рассказывать, кошка как кошка, – сказала я. – Когда в Мякуське заводится скука, она идёт спать. Когда она просыпается, в ней уже нет скуки, а заодно и еды. Всё путём.

– И это всё? – протянула разочарованно Злата.

– Ну, не всё. Много ещё чего. Например, Мякуське не стыдно за хвост в кружке с чаем, за шерсть на новом пальто, за битую чашку, за покусанную рыбу, за драную мебель. За то, что она бесцеремонно лезет ласкаться, когда я занята. Ей хорошо, она – кошка, она так живёт. С этим надо смириться. Просто она классная, милая, она – мой любимый ласковый пушистик, она громко мурчит у меня под одеялом, мне тепло, уютно и радостно.

– Вот это уже полная картина, это я и хотела узреть, – сказала Злата.

– Кошка кошкой, а время летит, – намекнула я Злате.

– Время – лабиринты суеты, зной минут, и летопись мечты, – ответила она, как всегда, нелепым экспромтом.

Похоже, уходить она не собирается. А у меня ещё куча дел. Ну, если честно, не такая уж и куча, просто мелкие делюшки, и желание сесть за комп.

– Знаешь, как меня дразнили в школе? – зачем-то спросила она.

– Ну и как?

– Злата злаялата.

– Забавно, – ответила я. – Пойдём, я тебя провожу. Прогуляюсь ещё раз, погода супер.

И мы пошли.

– А почему Галя вегетарианка? – спросила вдруг Злата.

– Я говорила с ней об этом, – ответила я. – И знаешь, что она мне сказала?

– Что?

– Она сказала: «Если ребёнку дать яблоко, он его съест. А если ребёнку дать кролика, он будет с ним играть».

– Ну, если ребёнок будет играть с жареным кроликом, то это уже повод обратиться к психиатру, – сказала Злата.

Я расхохоталась. Проводила до угла её дома, это рядом. И вернулась к себе.

Больше я Злату не видела. Она исчезла. На звонки не отвечала, из социальных сетей пропала, на улице и в магазине возле дома – где я с ней часто сталкивалась – не появлялась.

Соседи её тоже не видели. Мы ходили в полицию, писали заявление. Никаких действий полиция не предприняла, сказали нам, что она, возможно, уехала. Мы добились вскрытия её квартиры. Там Златы не было.

– Наверно, её украли горячие кавказские парни, – пошутил полицейский, молодой весёлый здоровяк.

А здесь это так

Рассказ

– Не знаю, что и делать, Оль, – горестно произнёс Артём. –

Я совсем облысел.

– А, вот почему ты всегда в бейсболке, – протянула я.

– Башка как колобок стала.

– Ну и что, многие вообще специально бреют свои черепушки, это нынче в моде.

– Мне не идёт. Помнишь, какой я пышный кудряш был? Потом плешь возникла. А теперь вообще чёрт те чё.

– Так это же грустно, зря комплексуешь, – сказала я.

– Не хочу. Чё я только не делал! К трихологам ходил, дорогие средства покупал, маски делал, втирания, шампуни специальные, столько денег угробил на всё, и без толку.

– Ну, тогда попробуй моё средство, вдруг поможет?

– О, правда, что ли? – глаза его вспыхнули, он встрепенулся, дёрнул носом как пёс, взявший след.

– Артём, я не уверена, просто попробуй. Вдруг поможет? Ты не думай, это просто настойка на моих домашних целебных растениях и ещё кое на чём, я её пью, когда заболеваю, чайную ложку в горячий чай. И вылечиваюсь. Иногда.

– А какой состав? – насторожился он.

– Алоэ, каланхоэ, золотой ус, имбирь, кайенский перец,

акулий зуб.

– А зуб откуда?

– Из акулы. Гала Гри подарила, известная путешественница.

– Не знаю такую.

– Она есть в Фэйсбуке, в Инстаграме, запусти глаз туда, там фото, видео, много. За эффект настойки не отвечаю, просто эксперимент. Рискни. Кто не рискует, тот не выигрывает.

Вечером я отлила ему немного своего снадобья. Он с сомнением повертел в руках бутылочку от детского сока с моей зеленоватой жидкостью. Поблагодарил, и ушёл.

В его холостяцкой квартире было уютно и пустынно. Много простора. На подоконнике – большой кактус, который никогда не цвёл. На столе – ноутбук. Несколько книг на полке. Он прошёл на кухню, включил кофеварку. Налил себе кофе. Вынул из кармана бутылочку с зельем. Открыл, понюхал. Закрыл. И задумался. От кофе потянуло в сон, да и пора уж. Принял душ, и бухнулся в постель. Спать не давала мысль: лысая башка и зелье. Вдруг оно чудодейственное? Хотя, кто его знает, что там намешала ещё эта писательница. А может, в чём-то она права: кто не рискует, тот... Что, попробовать?

Голова слегка закружилась, или это кружится постель? Он всё же встал, прошёл на кухню, схватил бутылочку и вылил на голову всё содержимое, быстро втирая это в голову. К его удивлению, зелье оказалось тягучим и густым, словно пюре.

И тёплым. Было приятно и жутко. Странно, на вид это была жидкость – подумал он. Вернулся в постель, и уснул.

Утро было яркое, солнечное, июльское. Он распахнул глаза, потянулся. И ощутил: что-то происходит. Какое-то неясное чувство шевельнулось в груди. Артём пощупал голову – и обалдел: растительность! Он подскочил так, словно его ударили током. И метнулся к зеркалу. Его голову покрывала яркая изумрудная зелень! Глянул внимательно – трава! Башка травой покрылась, как весенний луг! Сердце оборвалось. Он схватил бритву и сноровисто избавился от растительности. И вспомнил, что сегодня рабочий день! Он спустился к парковке, сел в свой «седан», и... «Странно, что я не в отпуске», – сверлила мысль, – я же... И этот газон на черепе... Мистика...

Голова невыносимо чесалась под бейсболкой, то и дело он бегал в туалет чесать черепушку.

На следующий день трава выросла гуще и выше, да ещё кузнечики завелись. Артём в ужасе чуть лбом зеркало не вышиб. Он взирал на себя с изумлением. Да, форменный газон. Кузнечики скачут!

Из глотки вырвался вопль:

– Так не бывает! Не может быть!

И тут раздался чей-то голос:

– А здесь это так!

Глюк какой-то слуховой от стресса! Бесовщина! Да, такое только бесы могли сотворить, они способны на любую па-

кость сверхъестественную!

Артём нахлобучил бейсболку, и помчался в церковь. Там служба была в самом разгаре. «Положено без шапок мужикам» – вспомнил он, и стянул с себя бейсболку. С башки полетела саранча прямо на священников и дьяконов, на прихожан, разлетелась по церкви, в пламя свечек залетела, затрещала, жуть! Начался переполох, люди заметались! Он выскочил из церкви и понял, что кузнечики мутировали в саранчу и жутко расплодились. Они так чесали череп, что он чуть с ума не сошёл! Что делать?!!!!!

Дома он перегнулся через балкон и принялся вытряхивать из растительности саранчу. Крупная, жирная, она взлетала густым облаком, и снова зарывалась в траву на голове Артёма. В отчаянии он громко взвыл и... проснулся. Ощупал голову: гладкая, как бильярдный шар. Он облегчённо вздохнул.

– Это же был сон! – вскричал он. – Нет этого кошмара! И я в отпуске!

Он встал, прошёл в ванную, полюбовался в зеркало своей свободной от растительности головой, побрился, принял душ, снова посмотрел на себя, и сказал:

– А что, очень даже brutally.

Подмигнул зеркалу, похлопал себя по черепу, и расхохотался.

– Парень красава!

Утренний кофе сегодня был особенно хорош. Он съел че-

тыре сардельки с кетчупом, и ощутил прилив сил. Взгляд его упал на бутылочку с зельем. Он взял её, повертел в ладонях, открыл, и вылил содержимое в кактус. Кактус удивился.